

Взаимоотношения — между животными и людьми, а также между людьми и другими людьми — лежат в основе оригинальной и увлекательной книги Марси Нортон «Приручить и укротить».

АЛЕКСАНДР БЕВИЛАКВА, LONDON REVIEW OF BOOKS

[Нортон] утверждает, что биология неотделима от культуры. Эта позиция позволяет ей переосмыслить, почему с животными обращались определенным образом в прошлом и как с ними можно обращаться в будущем... Удивительная книга!

ГЕНРИ МЭНС, FINANCIAL TIMES

Благодаря историческим и антропологическим исследованиям, включая внимательное изучение искусства и литературы коренных американцев, Нортон демонстрирует, что исконные способы взаимодействия с животными, включая приручение диких животных и установление с ними особых родственных связей, имели глубокие последствия для европейской культуры.

ДЭНИЕЛ КРАФТ, HEDGEHOG REVIEW

[Нортон] предлагает необходимую корректировку биологических объяснений «завоевания» Нового Света, которые часто лишают коренных жителей власти, преуменьшая роль культурных практик и систематического насилия... Важное исследование для дальнейшего изучения взаимодействия людей и животных!

ДЖОН М. СОЛУРИ, H-NET REVIEWS

[Эта книга] является примером обоснованного и вдумчивого междисциплинарного исследования и важной вехой в этноистории, атлантической и интеллектуальной истории, а также в исследованиях о человеке и животных...

КРИСТОФЕР ВЕЙЛСИ, H-NET REVIEWS

Марси Нортон предлагает эрудированный и новаторский взгляд на взаимоотношения человека и животных в контексте европейской колонизации Мексики и Южной Америки. Анализируя историю столкновения между представлениями коренных народов и европейцев об охоте, одомашнивании и сосуществовании с домашними животными, эта книга раскрывает истоки потребительских практик и объективации животного мира, а также борьбу за признание прав животных.

ГИЛЬЕМ ОЛИВЬЕ, Национальный автономный
УНИВЕРСИТЕТ МЕКСИКИ

Важное напоминание о том, что мир мог бы быть совсем другим, чем тот, который стал господствовать в Америке...

ЭРИКА ФАДЖ, INTERNATIONAL
JOURNAL OF MARITIME HISTORY

МАРСИ НОРТОН

*Приручить
и укротить*

ЖИВОТНЫЕ И ЧЕЛОВЕК
ПОСЛЕ ОТКРЫТИЯ НОВОГО СВЕТА

Колибри

МОСКВА

УДК 94(7) + 591.6 + 591.9
ББК 63.3(0)
Н82

Marcy Norton
THE TAME AND THE WILD
People and Animals after 1492

Опубликовано с согласия Harvard University Press via Alexander
Korzhenevski Agency (Russia).

Перевод с английского Елены Борткевич

Нортон М.
Н82 Приручить и укротить : Животные и человек после открытия Нового
Света / Марси Нортон ; [пер. с англ. Е. А. Борткевич]. — М. : КоЛибри,
Издательство АЗБУКА, 2026. — 576 с. ; ил.

ISBN 978-5-389-27476-1

В 1492 году Христофор Колумб открыл Новый Свет, и это навсегда изменило ход мировой истории. Столкновение европейских и индейских представлений о животном мире повлияло на формирование двух культур и привело к преобразованиям — одновременно разрушительным и созидательным — по обе стороны Атлантики.

Каким образом открытие Нового Света переменяло характер взаимоотношений между человеком и животным? Какое отражение эти взаимоотношения нашли в искусстве и мировой культуре? Как практики приручения повлияли на трансформацию европейской культуры и проложили путь для зоологической науки? И что стоит за нашей глубокой привязанностью к любимым питомцам?

Это удивительная, подчас полная трагических событий и в то же время надежды история о том, как человек и животное учились заново понимать друг друга на бескрайних просторах Нового Света и Европейского континента.

УДК 94(7) + 591.6 + 591.9
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-389-27476-1

© 2024 by the President and Fellows of Harvard College
© Борткевич Е. А., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
КоЛибри®

Введение

Древнее предание о сотворении мира рассказывает нам, как Бог за несколько дней создал все элементы мироздания: день и ночь, небо и землю, растения и животных, одним из которых предстояло жить в небе, другим — в море, а третьим — на суше. Наконец, Бог создал особую форму жизни, провозгласив: «Сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле»¹ [1]. Появившись много столетий назад, это внушительное предание долгое время господствовало в Европе.

По другую сторону Атлантического океана люди тоже сочиняли сказания о происхождении Земли и ее обитателей. По преданию науа², сотворение мира началось с того, что два божества приняли облик громадных змей и разорвали пополам огромную амфибию. Растерзанное тело рептилии стало землей, плодородным и жаждущим кровопролития

¹ Цитата приводится по синодальному переводу Библии. — *Прим. пер.*

² Науа — это группа индейских народов в Мексике и Центральной Америке, наиболее известными представителями которой являются ацтеки. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. ред.*

организмом, который преобразовал осколки смерти в материю жизни¹. Порой это мифическое существо появляется на изображениях в образе разинутой, всепожирающей пасти.

В попытке понять эти верования один из европейцев объяснял, что «землю считали богиней, ее изображали грозной лягушкой, на каждом суставе у которой находится наполненный кровью рот, а еще говорили, что она ест, пьет и пожирает все вокруг» [2]. На острове Гаити деревья *joko* (*Spondias lutea*, или момбин желтый) с ароматными ярко-желтыми плодами считались потомками пещерных жителей, которые слишком долго смотрели на солнце [3]. Птицы, известные своим печальным утренним пением, произошли от рыбаков, сидевших у реки всю ночь до зари. Лягушки, чьи крики напоминали плач ребенка, когда-то были голодными младенцами, которых матери оставили на произвол судьбы возле ручья. Растения, животные и даже минералы — все они произошли от людей.

Такие противоречивые представления о происхождении мира отражают совершенно разные взгляды на взаимоотношения человека с животными. В Книге Бытия говорится, что мир появился благодаря единому антропоморфному создателю, тогда как в мифах коренных народов Америки за этим стоят многочисленные зооморфные силы. Книга Бытия проводит четкую границу между людьми и прочими живыми существами — при этом создаются все они по отдельности, — но в мифах коренных народов сотворение мира изображается прежде всего как процесс перевоплощения, который подчеркивает проницаемость и взаимосвязанность всего живого. Книга Бытия говорит об исключительности человека — уникального уже потому, что он один был создан по образу и подобию Божьему, — тогда как мифы коренных народов показывают, что

¹ Автор неслучайно называет одно и то же существо сначала амфибией, а потом рептилией. В ацтекской мифологии Тлальтекутли действительно описывается как полужаба-полуаллигатор. — *Прим. пер.*

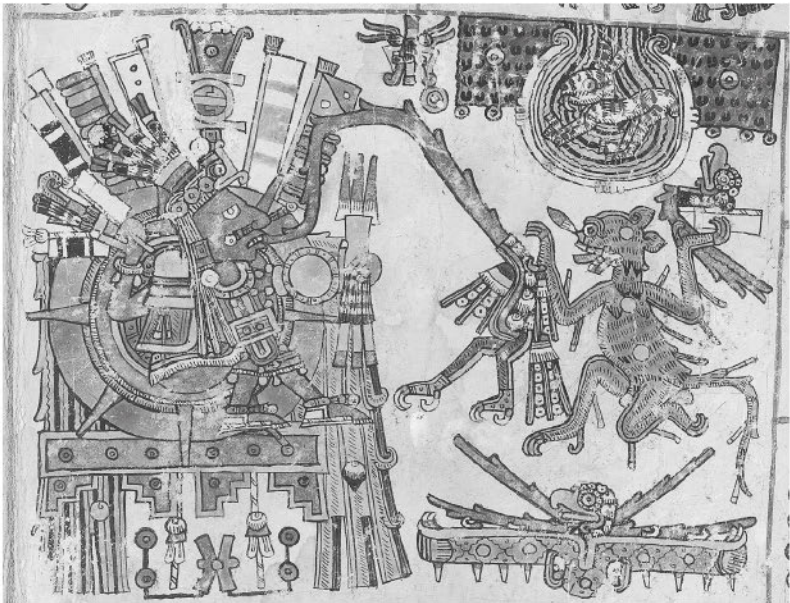
субъектность и индивидуальность присуща всему живому. Бытие настаивает на превосходстве человека, ссылаясь на его близость к Богу и дарованную свыше власть, а мифы коренных народов, в которых животные и растения произошли от человека, подчеркивают родство всех видов. В этой системе животные и растения — родственники человека, а не ресурсы.

Мифы о сотворении мира опираются на разные модели взаимодействия — под этой фразой я подразумеваю то, как люди относятся к животным и как они их воспринимают. Сложившиеся за долгие тысячелетия модели взаимодействия включают в себя устойчивые обычаи, формы поведения, общественные институты и, главное, повседневные практики, которыми люди пользовались, чтобы наблюдать, слушать, ловить, растить, убивать, разделявать,

Илл. 1.1. Ян Брейгель Младший.
Сотворение Адама в Эдемском саду. XVII в.

есть, разводить, пасти, приручать, кормить, исцелять других существ и общаться с ними [4]. Эта книга рассказывает о таких моделях взаимодействия, о том, как с их помощью объясняется онтологическое отличие европейской культуры от культуры коренных народов Америки, и о том, как после 1492 года переплетение разных моделей взаимодействия привело к преобразованиям — одновременно разрушительным и созидательным — по обе стороны Атлантики. Теория эволюции и концепция Большого взрыва по большому счету вытеснили эти представления о сотворении мира, но те модели взаимодействия, что лежат в основе древних мифов, по-прежнему являются частью современной жизни. Именно в них уходят корнями многие из ужасов настоящего времени: колониальная экспроприация

Илл. 1.2. Скелетообразный койот (символизирующий смерть) обезглавливает перепелку и кормит ею солнце и землю.

Кодекс Борджиа, до 1500 г.

Ватиканская апостольская библиотека

территорий, экологическая катастрофа и унижительные условия существования сельскохозяйственных животных. И от них же происходят многие радости жизни наших дней: душевное родство с представителями других видов, восхищение перед способностями животных и употребление их мяса в пищу.

На заре Нового времени охота и сельское хозяйство оставались наиболее значимыми формами взаимодействия, определявшими отношения человека и животных в Европе и Средиземноморье. Экологически обоснованные и сформированные обществом в течение *longue durée*¹, они были дифференцированно связаны с другими структурами власти. Охота знати — по-испански *caza* или *monetría* — представляла собой неотъемлемую часть династических войн и оказывала решающее влияние на поведение и идеологию правящего класса аристократии и амбициозного зажиточного, но не обладающего дворянским титулом сословия. Животноводство — по-испански *ganadería* — регулировало труд и повседневную жизнь народного большинства и обеспечивало доходом церковь, знать и зажиточных простолюдинов. Оно было краеугольным камнем не только рыночной экономики, но и всего существования, фактором, определяющим структуру обществ Европы и Средиземноморья. Однако охота и животноводство формировали разные типы отношений между человеком и животными. Охота поощряла признавать (определенных) животных субъектами, в то время как в скотоводстве человек считался субъектом, а животное — чаще всего объектом. Охота создала привилегированный класс животных-вассалов: лошадей, ястребов и гончих задействовали как

¹ *Longue durée* (фр.) — долгое время, время большой продолжительности. Это ключевое понятие школы «Анналов», которое обозначает подход к изучению истории, фокусирующий на долгосрочных исторических структурах и тенденциях.

важнейших союзников и благородных существ, наделенных индивидуальностью, материальной ценностью и символической значимостью, что возвышало их над многими из живших в одно время с ними людей. Добычу тоже воспринимали как разумного, коварного и опасного соперника. Скотоводство, напротив, превращало животных в объекты, чья *одушевленность* по большей части отрицалась, даже пока они были живы. В дополнение ко множеству других способов эксплуатации они становились едой (их мышцы и жир наполняли блюда белком и вкусом), одеждой (шерсть овец превращалась в пряжу, а коровьи шкуры в кожу), источником света (из коровьего жира лепили сальные свечи) и лекарством (коровий, свиной и куриный жир упоминался как ингредиент в поваренных книгах). Наравне с растениями и минералами эти животные принадлежали к царству природы и поэтому рассматривались в первую очередь как ресурсы, необходимые для того, чтобы поддерживать человеческую жизнь и делать ее комфортной. Чаще всего в них видели предметы — тела, лишённые живой души, — и объекты пассивного управления, а не деятельного участия.

По другую сторону Атлантики, на территориях Большой Амазонии (под этим термином я понимаю заселённые коренными народами Антильские острова и низменности Южной Америки) и Мезоамерики, исконными моделями взаимодействия были «хищничество» и «приручение». Отчасти я пользуюсь этими внешними («этическими») концепциями, чтобы отразить свою увлечённость обширными трудами по антропологии, посвящёнными культуре народов Амазонии [5]. Кроме того, я применяю эту терминологию, потому что она согласуется с мыслями и концепциями, изложенными в тех источниках, что датированы началом Нового времени, где раскрываются представления коренных народов Америки. Такие источники подчеркивают зависимость всего живого от пищи и придерживаются различий между категориями «дикий» и «ручной», а не между понятиями «человек» и «животное». Хищничество прежде всего

снабжало охотников пищей. И люди, и звери ловили добычу, чтобы питаться. Люди готовили мясо в дополнение к рациону, основу которого составляли культивируемые ими маниок или кукуруза, а порой и оба эти растения. К тому же они ценили не поддающиеся тлену части животных — прежде всего перья, шкуры и кости — и точно так же находили им применение. Их крепили на теле или изготавливали из них могущественные ритуальные объекты: головные уборы, ожерелья и флейты. Такие объекты позволяли тем, кто их носит, в некоторой мере присвоить себе красоту и силу жертвы и, возможно, даже перенять то, что Эдуарду Вивейруш де Кастру так верно назвал «точкой зрения врага», или, вернее, жертвы [6]. Хищничество коренных народов наглядно показывало, как во время охоты и последующего за ней потребления добычи подражание (или мимесис¹) способствует трансформации самого хищника и его жертвы. Оно было неразрывно связано с понятием войны, что нашло отражение в языках коренных народов: в обоих регионах войну и охоту называли одним и тем же словом [7]. Если европейцы настаивали на том, что охота *похожа на войну*, жители Большой Амазонии и Мезоамерики в общем и целом *говорили о войне как об охоте*. Одна из причин, по которой я решила использовать термин «хищничество» при описании обычаев коренных народов, связанных с преследованием и добычей животных для разнообразного последующего потребления, заключается в желании отделить эту традицию от европейской охоты. Еще одно отличие охоты от хищничества состоит в том, что собаки, которые принимали в ней участие в других районах Америки (включая высокогорья Южной Америки), не играли такой роли на описываемых в этой книге территориях, по крайней мере в предшествовавшую 1492 году эпоху [8]. Без посредничества животных-вассалов туземные охотники устанавливали более прямые отношения с добычей.

¹ М и м е с и с — процесс подражания, имитации или художественного воспроизведения реальности.

Хотя хищничество в Большой Амазонии и Мезоамерике имело немало общего, в нем наблюдался целый ряд существенных различий. Это было связано с социальной организацией: как и в Европе, в Мезоамерике общины характеризовались резким расслоением по сравнению с относительно эгалитарной социальной структурой, в целом свойственной для Большой Амазонии. Мезоамериканские элиты придавали своим хищническим наклонностям, пожалуй, даже больше значения, чем европейская знать, высоко ценившая статус охотника. Эти элиты не просто развлекались погоней за жертвой — они монополизировали мясо, а вместе с ним и столь желанные всеми шкуры и перья, ограничив доступ к ним для простых людей. В Большой Амазонии, напротив, охотиться или ловить рыбу, как правило, позволялось каждому, и, кроме того, это считалось важной стороной жизни мужчин.

Если в Европе охота и животноводство сосуществовали в тревожном напряжении, то в Большой Амазонии и Мезоамерике такие модели взаимодействия, как хищничество и приручение, хорошо дополняли друг друга. Если хищничество заключалось в превращении других в пищу, то приручение — в обеспечении других пищей. В Большой Амазонии диких зверей порой отлавливали живыми и приручали: их превращали в сородичей. Среди множества биологических видов, что подвергались приручению, были попугаи, олени, тапиры, ленивцы, обезьяны, капибары, ламантины, а порой и сами люди. В отличие от одомашненных, эти животные рождались в дикой природе, а их размножение никак не контролировалось. Приручением обычно занимались женщины, в чьи обязанности входило пополнять общину новыми членами. Этот процесс сочетал в себе черты заботы о новорожденном, о путнике из далеких земель и о пойманном в дикой природе животном. Основу выстраивания близких отношений составляло кормление: в XVII веке один из миссионеров емко сформулировал значение и концепцию слова *iegue* из языка карибов как «зверь, которого кормят» [9]. Как только подопечный

Илл. 1.3. Индеец возвращается с охоты с мертвой и живой птицей. Иллюстрированная рукопись *Historie Naturelle des Indes*. Библиотека и музей Моргана в Нью-Йорке

начинал принимать пищу, которой его кормят, он становился *iegue*, а как только он становился *iegue*, его нужно было лелеять, а не употреблять в пищу. С этой точки зрения сущность европейского животноводства, где животных сначала кормят, а потом готовят из них еду, выглядит совершенно невразумительно. Рисунок конца XVI века, предположительно выполненный иностранцем (его автор неизвестен), наглядно отражает взаимосвязь и разность приручения и хищничества в Большой Амазонии: охотник возвращается с двумя птицами, одну из которых он съест, а вторую станет кормить.

Подобно хищничеству, приручение в Мезоамерике имело не только сходства со своим южноамериканским двойником, но и отличия от него. Похожая на *iegue* концепция появляется и в мезоамериканских словарях. В науатле¹ она обозначается словом *tlatlacasihuitilli*. Сопутствующие этой концепции практики приручения — прежде всего те, что относятся к священному календарю и участию животных в религиозных обрядах, известных под испанским названием *veintena*², — оставались еще менее очевидны, чем те, что связаны с *iegue* в Большой Амазонии. И это несмотря на то, что подобного рода приручение подпитывало знаменитые зверинцы Теночтитлана и других городов-государств Мезоамерики. Вероятно, причина неочевидности подобных практик для стороннего наблюдателя отчасти заключалась в фиксации европейских колонизаторов, а за ними и современных исследователей на обрядах, неверно трактуемых как жертвоприношения. Если в Большой Амазонии убить существо, которое кормишь, считалось кощунством, то в Мезоамерике часть пойманных некогда диких животных, а вместе с ними и людей убива-

¹ Науатль — язык исторических ацтеков, который был распространен на территории современной Мексики до испанской колонизации. Сегодня классический науатль считается мертвым языком.

² *Veintena* (исп.) — испанское название 20-дневного периода, используемого в доколумбовых мезоамериканских календарях.

ли [10]. Убийство животных, которых прежде кормили, самое значительное отличие между практиками приручения в этих двух регионах.

Изнутри, с этической точки зрения, жертвоприношения воспринимались как форма приручения, что хорошо видно по изображениям в Кодексе Борджиа, так называемом *amoxhtli*¹ (иллюстрированном манускрипте), созданном на плоскогорьях Центральной Америки до вторжения европейцев. На знаменитом листе запечатлен один из самых распространенных и важных ритуалов: кормление божества обезглавленной перепелкой. В роли убийцы и кормильца выступает сверххищник, полукойот–полускелет (плотоядное и смерть в одном обличии). На изображении койот только что свернул перепелке шею: в одной руке он держит тело птицы, а в другой — ее голову. Сцена также показывает, что происходит следом за этим: в тот же миг кровь начинает струей хлестать из тела птицы прямо в рот богу солнца, который представлен в виде красного персонифицированного светила, а голова перепелки тем временем падает в открытую пасть земноводного чудовища, отождествляемого с землей. Эта сцена демонстрирует, насколько переплетены между собой убийство и кормление, и показывает, что те всемогущие сущности, благодаря которым появляется пища — солнце и земля, — сами нуждаются в кормлении. Как видно из этого изображения, в основе хищничества и приручения в Мезоамерике лежало понятие взаимности.

И у европейцев, и у коренных народов Америки космогонические мифы указывают на модели взаимодействия как на мощное средство формирования субъективизма. Они определяют, каким образом люди постигают бытие в своем мире (онтология) и какими знаниями располагают (эпистемология). Отношения людей с другими животными — будь то охота с борзыми, подражание крику обезьяны, поглаживание поросенка, обезвреживание гремучей змеи, танец

¹ *Amoxhtli* (*науатль*) — пиктографический манускрипт, книга.

в головном уборе из перьев квезаля, покупка говядины в мясной лавке, сбор фруктов для попугая, кормление оленя с рук, извинения перед лошадью — обуславливают наше восприятие самих себя и других существ. То, как люди классифицируют животных, думают о них и учатся у них, напрямую зависит от среды, в которой они взаимодействуют друг с другом. Пристальное изучение моделей взаимодействия выявляет те условия, что позволяют признавать или отрицать чужую субъектность. Обусловленные животноводством взаимоотношения послужили важной причиной для чувства отстраненности, которое европейцы испытывают по отношению к другим видам животных, и восприятия собственного «я» как совокупности ума и тела. В отличие от этого, хищничество и приручение в доколумбовой Америке выявляли общность между представителями разных видов и способствовали признанию материальности, проницаемости и непредсказуемости эго.

Книга «Приручить и укротить» подвергает сомнению устойчивый и коварный миф о животноводстве как о необходимом и неизбежном элементе прогресса [11]. Эта мысль уходит корнями в древность — в библейской притче об Исаве и Иакове можно разглядеть триумф фермера над охотником, — но представление о доместикации животных как о границе между «цивилизованными» людьми и дикими «варварами» упрочилось, когда европейцы принялись захватывать американские территории и оправдывать этим жестокость военных кампаний и лишение коренного населения прав на землю, труд и жизнь. В 1513 году один из юристов короля Фердинанда, которому было поручено найти юридическое обоснование испанского завоевания, сосредоточился на том, как *indios* на Антильских островах взаимодействовали с животными: они едят «рыбу, но не мясо, за исключением похожих на зайцев маленьких зверьков», и «они, будто дети, любят своих домашних птиц и зверей и не едят их, поскольку для них это все равно что есть

собственное потомство». Такое поведение призывали рассматривать как одно из доказательств того, что *indios* лишены «разума» и «тем самым ничем не отличаются от животных» [12]. В 1544 году Хуан Хинес де Сепульведа, один из самых известных сторонников идеи, что коренное население Америки — «по природе своей рабы», утверждал: подобно тому как тело подвластно душе, «страсти разуму, а грубая скотина человеку», так и «некультурным, бесчеловечным дикарям» следует повиноваться *imperio* тех, кто «мудрее, могущественней и совершенней». Хотя он признавал, что оправданная война против «дикарей» принесет им немало «горя и потерь», их перевесят те «великие блага», которые эти народы получают в виде спасения души, железных орудий труда и одомашненных животных: «лошадей, мулов, ослов, быков, овец, коз и свиней» [13]. Впоследствии эта мысль получила развитие в передовых трудах плодотворных мыслителей эпохи Просвещения и ученых XIX века, утверждавших, будто одомашниванию, «как, пожалуй, ни одной другой причине, должно приписывать цивилизуемое и цивилизованное состояние ума» [14].

В наши дни предположение, что животноводство представляет собой важную веху на пути цивилизации и индикатор ее высокого развития, по-прежнему задает тон как современной научной мысли, так и общественному восприятию. Те ученые, кто отвергает любые явные высказывания об истинном превосходстве европейской культуры, все еще считают само собой разумеющимся, что европейская модель одомашнивания животных остается естественной и неизбежной составляющей прогресса. Как писал в своей революционной работе «Колумбов обмен» (*Columbian Exchange*) Альфред Кросби, «когда Колумб прибыл в Америку, даже самые развитые индейцы едва покинули каменный век. У них почти не было домашних животных, а те, что имелись, не производили большого впечатления» [15]. Именно на это представление опирался Джаред Даймонд, когда писал: «Неужели же народы Африки, Америки и Австралии при всем их огромном разнообразии тем не менее разделяют общие

культурные преграды к одомашниванию, которых не было у жителей Евразии?» [16] Он приходит к менее европоцентричному на первый взгляд заключению, отвергая идею культурного «препятствия» к одомашниванию, и вместо этого утверждает, что обитающие на территории Африки, Австралии и Америки виды были неподходящими «кандидатами» для этого.

Предположение о неспособности народов, живущих за пределами Евразии, в полной мере принять одомашненных животных вследствие неких препятствий подкрепляет издревле существовавшее убеждение, согласно которому прогресс человечества зависит от одомашнивания. Представление об одомашнивании как об индикаторе высоко развитой культуры особенно ярко проступает в научных трудах о коренных народах Америки. Культуры Мексики и Перу с их городами, государственностью, системой письма, институтом жречества, а также одомашненной ламой и индейкой воспринимались как более развитые по сравнению с «примитивными» культурами Амазонской низменности, где недоставало одомашненных животных. Что еще менее очевидно, натурализация домашнего скота определила очертания исторического знания, возводя в норму объективацию животных и пренебрегая теми методами, которые подчеркивали субъектность всего живого. Эта позиция просматривается в давней научной традиции считать инструментальный подход к исследованию животных более естественным, чем тот, где к ним проявляют заботу и внимание.

Как изменится историческое восприятие, понимание и знание, если животноводство перестанет считаться наиболее передовой, естественной и неизбежной моделью взаимодействия? Что произойдет, когда животноводство сделается чем-то неестественным и «провинциальным» [17]? Иными словами, что случится, когда животноводство пе-

рестанет восприниматься как самый естественный и очевидный способ взаимодействия людей и животных, а вместо этого начнет рассматриваться как особый порядок, сложившийся в конкретное время и в конкретном месте?

Книга «Приручить и укротить» подвергает переоценке изменения, вызванные колонизацией по обе стороны Атлантики, и предлагает пересмотреть многие из главенствующих у нас убеждений об истории природной среды, религии, науки и субъективизма. Эта книга показывает, что после 1492 года онтология и эпистемология европейцев и коренных жителей Америки вовсе не находились в разных исторических пластах, а были тесно переплетены друг с другом [18]. Она вносит коррективы к трудам по истории Европы раннего Нового времени, где по-прежнему уделяют недостаточно внимания преобразованиям, возникшим вследствие переплетения культур европейцев и коренных жителей Америки. Подобным же образом антропологические исследования современных аборигенных общин часто не учитывают, в какой мере преобразились культуры европейцев и коренных народов Америки за 500 лет взаимного влияния [19]. Американские модели взаимодействия обусловили не только отношение коренных народов — а вместе с ними свободных и порабощенных выходцев из Африки — к политике колониализма. Точно так же они влияли на самих колонизаторов и способствовали переменам внутри европейского общества [20].

Вместо того чтобы подходить к решению этих вопросов с позиций «Колумбова обмена», книга «Приручить и укротить» объединяет историю животных с историей колонизации и экстрактивизма¹ [21]. Хотя конкистадоры считали животных-вассалов самым мощным оружием в войне против

¹ Экстрактивизм — это экономическая модель, основанная на масштабной добыче природных ресурсов с минимальной переработкой и характеризующаяся особой интенсивностью, часто приводящей к разрушению окружающей среды и превращению регионов в ресурсные периферии.

Научно-популярное издание
Танымал ғылыми баспа

Нортон Марси

ПРИУЧИТЬ И УКРОТИТЬ Животные и человек после открытия Нового Света

Ответственные редакторы *М. Терехова, Е. Солодовникова*

Выпускающий редактор *А. Кочкина*

Редактор *К. Туренко*

Художественный редактор *Н. Данильченко*

Технический редактор *Л. Синицына*

Корректоры *С. Лукошина, Н. Быкова*

Верстка *К. Иванов*

В оформлении обложки использована
картина Жана Клуэ «Маргарита Наваррская».

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 26.06.2026.

Формат 60 × 88 1/16. Гарнитура «NewBaskervilleTC».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 33,32.

Тираж 2000 экз. М-НІS-36484-01-Р. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» –	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ –
обладатель товарного знака КоЛибри	КоЛибри тауар белгісінің иесі
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қаласындағы
в г. Санкт-Петербурге	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел.: (812) 327-04-55	Тел.: (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде баспы шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай баспамының сәйкестігін
расту туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 19.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

